

Исаева Р.В., диссертант Института по правам человека НАНА, адвокат ♦

Определение защитником допустимости тактических приемов допроса

Необходимыми признаками криминалистического тактического приема считаются научная обоснованность, соответствие требованиям закона и этики, а также целесообразность и рекомендательный характер. При этом научная обоснованность, этичность и законность являются критериями допустимости тактических приемов допроса.

Представляется, что несоответствие рекомендации одному из критериев допустимости делает невозможным ее применение в следственной и судебной практике, а также не позволяет назвать ее криминалистическим тактическим приемом. Вместе с тем, поведение следователя, которое не носит целесообразной характер или следует положениям не рекомендательного плана, но при этом соответствует требованиям закона и этики, с нашей точки зрения, является, тем не менее, вполне допустимым.

Таким образом, целесообразность и рекомендательный характер представляют собой необходимые признаки тактического приема, но не являются критериями допустимости.

Этимологически термин «критерий» понимается как «признак, на основании которого производится оценка, определение, классификация чего-нибудь, мерило» (18, с. 307). Критерий допустимости служит мерилом, которое не только определяет сущностную сторону научной категории тактического приема, но и решает проблему самой возможности применения предлагаемой рекомендации.

Под критерием допустимости тактического приема в криминалистике

♦Исаева Рухия Вахид кызы – диссертант Института по правам человека Национальной академии наук Азербайджана, адвокат (Азербайджан).
E-mail: Ruhiyu.Isayeva@gmail.com

следует понимать сущностный признак последнего, несоответствие которому делает невозможным применение предлагаемой рекомендации. Поэтому противоречие хотя бы одному из критериев допустимости относит предлагаемую рекомендацию к числу неправомерных и недопустимых методов.

В литературе помимо названных критериев допустимости нередко к их числу относят и иные требования. Так, Н.И. Порубов к числу критериев допустимости тактического приема относит целесообразность использования, эффективность и экономичность, а также доступность приема (20, с. 96). Данная точка зрения представляется спорной, поскольку целесообразность представляет собой скорее назначение тактического приема, чем критерий его допустимости. Целесообразность является необходимым свойством тактического приема, которое отражает направленность его использования. Однако лицо, производящее расследование, может в условиях тактического риска применить нецелесообразный тактический прием, который вряд ли можно назвать в данной ситуации недопустимым. Эффективность и экономичность думается должны поглощаться свойством целесообразности.

Критерий доступности, как нам представляется, не может носить самостоятельный характер, поскольку входит своим содержанием либо в критерий научной обоснованности, либо в требование законности.

Термин «принцип доступности», применяемый Н.И. Порубовым, представляется не противоречащим категории «критерий», однако первый носит более общий характер. Этимологически и принцип, и критерий могут выступать оценочными факторами, на основании которых определяется допустимость.

Таким образом, тактические приемы допроса должны соответствовать критериям научной обоснованности, законности и этичности. Поэтому представляется спорным выделение критериев, которые либо не носят самостоятельного характера, либо являются сущностным признаком тактического приема, который, однако, не решает вопроса о допустимости данной рекомендации.

Не умоляя значения требований научной обоснованности и этичности, А.Р. Ратинов совершенно справедливо отметил «безусловность высшего процессуально-правового критерия» (21, с. 66). Такое понимание приоритета законности вполне обосновано и в современных условиях построения правового государства.

Между тем, в литературе встречаются теоретические концепции, которые, с нашей точки зрения, не уделяют требованию законности тактических приемов должного внимания. В частности, Н.А. Селиванов видит в требованиях законности и этичности нечто само собой разумеющееся, поэтому, по его мнению, не следует данные признаки включать в определение тактического приема (24, с. 83). С данной позицией трудно согласиться, поскольку любое определение научной категории должно характеризоваться полнотой, а подобное понимание игнорирует существенные признаки. Исключение критериев допустимости из определения тактического приема будет означать необоснованное расширение данного понятия, и этому термину будут соответствовать и незаконные, и неэтичные методы воздействия. Кроме того, криминалистика имеет самостоятельный предмет изучения, и наличие принципа законности в уголовном процессе не является аргументом в пользу того, чтобы из числа существенных признаков понятия «тактический прием» исключить критерии допустимости. Несколько позднее Н.А. Селиванов совершенно верно писал, что следует считать допустимыми приемы, которые отвечают требованиям научной состоятельности и не противоречат нормам и принципам, содержащимся в законе и подзаконных актах (23, с. 24).

Данные критерии представляются универсальными и всеобщими для любых тактических приемов, а не только допроса. В правовом государстве принципу законности должны следовать не только правотворческая деятельность государства (иерархия законодательных актов, верховенство конституционных норм, определенный порядок изменения и отмена уголовно-процессуальных норм и пр.), но и практическая деятельность по расследованию уголовных дел.

Критерий законности тактических приемов – понятие более узкое, нежели принцип законности. Принцип законности касается не только применения рекомендаций науки, но и любого поведения дознавателя, следователя, прокурора, судьи в процессе расследования преступлений. Вряд ли возможно все действия, предпринимаемые лицом, осуществляющим расследование, свести к применению тактических приемов. В работе следователя нередко предпринимаются действия, которые никак не основаны на данных каких-либо наук, но и они должны соответствовать закону. Таким образом, принцип законности является всеобъемлющим понятием, в то время как критерий соответствия закону тактических рекомендаций касается лишь тактических приемов и их комбинаций.

В литературе встречаются противопоставления критериев законности и этичности. Так, Н.Л. Гранат отмечает: «В связи с отрицанием формальной законности тактический прием, не соответствующий категории справедливости, т.е. предусмотренный неправовым законом или не противоречащий такому закону, следует считать недопустимым. Возникшая необходимость нравственной оценки используемых «средств» создает дополнительные требования к уровню профессионализма следователя» (8, с. 22). В данном случае, через отрицание формальной законности провозглашается волюнтаристское начало в деятельности следователя, что, с нашей точки зрения, неизбежно приведет к обвинительному уклону. В демократическом обществе, которое характеризуется принципом разделения властей (ст. 7 Конституции), где законотворческую деятельность осуществляет избранный народом коллегиальный орган, а должностные лица исполнительной ветви власти (следователи в том числе) не имеют права вмешиваться в деятельность законодателя, решая вопрос: отвечает ли норма закона критерию справедливости, следователь не может выступать в роли творца закона, поскольку это не только противоречит принципу разделения властей, но и наносит вред самому принципу законности, поскольку такое положение дел определяет возможность применения норм закона по мере надобности, с точки

зрения субъективно понимаемой справедливости. Подобная утилитаризация процесса расследования совершенно недопустима. Категория «справедливости» должна быть объективно оценена законодательным либо конституционным органом, но не должностным лицом исполнительной ветви власти. Иное положение вещей ведет к различным родам нарушениям закона, разработке «неправовых криминалистических рекомендаций».

Следственная и судебная практика тесно связаны с законотворчеством, поскольку нередко криминалистические рекомендации становятся нормами уголовно-процессуального права. Такой процесс вполне естественен и оправдан, поскольку направлен на содействие наиболее полному, всестороннему и объективному познанию и установлению истины по каждому расследуемому уголовному делу.

Критерий законности тактических приемов пронизывает своими требованиями тактику производства всех следственных и судебных действий. Это обстоятельство не препятствует разработке содержания данного критерия относительно тактики отдельных процессуальных действий. Профессор А.Н. Васильев справедливо включил в содержание законности тактических приемов допроса направленность на получение правдивых и достоверных показаний, строгое соблюдение процессуальных правил, недопущение нарушения запретов, предусмотренных законом и соответствие нормам закона (8, с.16).

Соблюдение данных требований обязательно не только для практических работников, но и для ученых-криминалистов, предлагающих новые и совершенствующие уже имеющиеся тактические приемы допроса. Любое недопонимание значимости этого критерия допустимости способно привести к непоправимым последствиям для криминалистики и для практики расследования преступных деяний. Таким образом, критерий законности определяет и направленность исследований криминалистов, отражая сущностную сторону всякого тактического приема допроса.

Одним из важнейших критериев допустимости тактических приемов допроса необходимо признать этичность. Этика представляет собой науку о

морали, как форме общественной сознания, определяющей требования, предъявляемые к члену данного социума. Требование этичности неразрывно связано с критериями законности и научной обоснованности, поскольку существенно дополняет последние. Соответствие рекомендации нравственным требованиям является необходимым признаком всякого криминалистического тактического приема. Л.Е. Ароцкер был совершенно прав, когда отмечал, что «возможность практического использования того или иного тактического приема зависит от его соответствия нравственным требованиям следственной этики» (1, с. 53-54).

Этика является отдельной наукой, а универсальность ее требований определила самостоятельность критерия соответствия нравственным предписаниям криминалистических рекомендаций,

Однако, не следует забывать, что все критерии допустимости находятся в теснейшей взаимосвязи. Такие связи можно подразделить на две категории: определяющие и однопорядковые. Так, научные исследования психологии и физиологии организма человека определяют последствия, которые вызываются определенными методами психологического воздействия в ходе производства следственных действий. Влияние этих последствий на здоровье человека позволяет судить об их соответствии или несоответствии этическим предписаниям. Здесь данные, полученные в ходе психофизиологических исследований, являются определяющими по отношению к этичности применения указанных методов. Однопорядковые же связи характеризуются одновременным и равнозначным соответствием или несоответствием различным критериям допустимости методов, применяемых при собирании, оценке, исследовании и использовании криминалистически значимой информации.

Следует иметь в виду то, что научная состоятельность рекомендаций в рамках одной науки не всегда означает ее безоговорочную применяемость в криминалистике. Так, приемы военной тактики ведения боя не могут быть механически перенесены в криминалистическую тактику допроса. Таким

образом, критерии допустимости тактических приемов являются методологическими предпосылками в разработке и совершенствовании криминалистических рекомендаций.

Нравственные основы производства допроса приобретают особую значимость в рамках развития современных психологических знаний. Этические требования и психология производства расследования зачастую тесно взаимосвязаны.

Определившись с критериями допустимости тактических приемов допроса, нельзя не остановиться на проблеме процессов психологического воздействия на участников допроса. Необходимость сохранения волевой регуляции поведения участника следственного действия, является необходимым условием правомерного получения криминалистически значимой информации. Обратное положение вещей, когда следователь, воздействуя на психику участника следственного действия, не оставляет ему возможности волевого выбора вариантов поведения, означало бы неправомерное принуждение, что в свою очередь ведет к искажению объективной истины по делу. Еще в 1925 году В.Л. Громов отмечал, что «показание обвиняемого, добытое при помощи какого-либо воздействия, физического или психического насилия, не имеет никакой цены...» (9, с. 78).

В современных условиях не всякое психологическое воздействие на допрашиваемого со стороны лица, осуществляющего расследование, следует считать неправомерным. В криминалистической тактике выработаны приемы воздействия, которые решают задачи установления психологического контакта, распознавания и изобличения лжи, преодоления возникающих и профилактики потенциальных конфликтов и пр., и при этом не нарушается волевая регуляция поведения участников следственных действий.

Наиболее точно и полно пределы психического воздействия определил А.Р. Ратинов: «Правомерное воздействие отличается от психического насилия наличием у подвергающегося воздействию лица свободы выбора той или иной позиции» (22, с. 163).

Данное требование, предъявляемое к приемам психологического воздействия, не означает свободы лжи и противодействия в целом со стороны участников уголовного процесса. В криминалистической науке разработаны тактические приемы, которые при умелом их применении способны существенно сузить возможности противодействия установлению объективной истины по делу. Свобода выбора позиции означает сохранение волевого и рационального интеллектуального контроля за своим поведением. Психическое насилие ведет к неадекватному восприятию, сохранению и воспроизведению информации, что обуславливает искажение «объективной» истины по делу.

Неадекватное понятийное наполнение отдельных тактических приемов допроса не только создает трудность в нравственной их оценке, но и делает едва заметными этические критерии использования имеющихся и разработки новых научных рекомендаций по его производству.

В свете новейших достижений экспериментальной психологии и исследований в области влияния психического воздействия на осознанность регуляции поведения человека и его соматическое состояние требуется определенная нравственная оценка целого ряда предлагаемых рекомендаций по производству допроса. Бесспорным является тот факт, что в криминалистической тактике ряд наиболее дискуссионных проблем возникают на основе разработки рекомендаций, связанных с передачей, или сокрытием информации, которой располагает следствие. Так, одной из форм передачи информации является внушение.

Под внушением в криминалистической литературе принято понимать такое психическое воздействие, при котором реципиент «принимает определенную идею без рационального обоснования и некритически следует ей» (5, с. 5). Еще в 1967 году А.Р. Ратинов отметил в числе необходимых признаков внушающего воздействия отсутствие со стороны реципиента критической оценки получаемой информации (22, с.163).

Возникает проблема допустимости внушающего воздействия в процессе производства допроса. Внушение связано с нерациональным некритическим

восприятием получаемой информации. Этот факт может свидетельствовать об отсутствии свободы выбора того или иного варианта поведения, кроме того, внушение может оказывать негативное воздействие на формирование, сохранение и воспроизведение показаний.

Степень внушающего воздействия в формируемых вопросах может существенно различаться. Так, в наводящих вопросах, содержащих в себе ответ, степень внушающего воздействия такова, что способна привести к неадекватному воспроизведению показаний, не оставляя свободы выбора вариантов поведения допрашиваемому. В конструкции наводящих вопросов уже формулируется желаемый ответ, поэтому их применение искажает показания.

В теории и практике производства следственных действий возникают проблемы разграничения допустимых и наводящих вопросов. Б.М. Шавер и А.Н. Винберг понимают под наводящими вопросами «такие, в постановке которых уже до известной степени содержится ответ на поставленный вопрос» (26, с. 126). С тех пор понятие наводящего вопроса не изменилось, но дифференциация наводящих и допустимых вопросов остается одной из важнейших проблем криминалистической науки и уголовного процесса.

Проблемы определения места альтернативных вопросов, субъективных и объективных факторов, способствующих формированию наводящих вопросов и структуризации последних, являются по настоящий день весьма актуальными.

В литературе предлагается разграничивать наводящие и допустимые вопросы по соотношению ряда объективных и субъективных факторов внушающего воздействия. При этом к объективным факторам относят: информационную насыщенность вопроса, на основе которой допрашиваемый может построить ответ, не обращаясь к своей памяти; дополнения вербальной информации невербальной; логическую структуру вопроса в системе. Личностная интерпретация передаваемой информации характеризует субъективные факторы внушающего воздействия. На основании изложенного

делается вывод, что «для наводящих вопросов присуще как объективные, так и субъективные факторы, для нейтральных – только субъективные» (4, с. 72).

Данный способ разграничения наводящих и допустимых вопросов представляет интерес в плане раскрытия содержания факторов, обуславливающих внушающее воздействие. Однако подобный подход является спорным, поскольку наличие вполне допустимой формулировки вопроса не делает его наводящим, даже если процесс его постановки характеризуется каким-либо «несвойственными» жестами. Еще более очевидным является противоречивое и весьма спорное высказывание автора предлагаемой концепции А.И. Баянова, который считает, что подсказка посредством передачи предметной информации может быть устранена снятием эмоциональной окрашенности вопроса (4, с. 74).

С нашей точки зрения, единственным реальным критерием разграничения наводящих и допустимых вопросов является их смысловая насыщенность. Наводящий вопрос содержит в части или в целом подсказку, желаемый ответ.

Общение представляет собой взаимодействие на уровне субъект - субъектные отношения, строящееся по направлению передачи информации от коммуникатора к реципиенту. Поэтому процесс обмена информацией в ходе производства допроса ставит следователя то на место коммуникатора, то на место реципиента. Таким образом, вряд ли возможно признать обоснованным отнесение к объективным факторам, влияющим на внушающее воздействие, информационную насыщенность, логическую структуру и пр., поскольку последние определяются субъективно самим коммуникатором.

Получение показаний теряет всякий смысл, если превращается в процесс подтверждения желаемых ответов, которые следователь формулирует в самом вопросе. Такой «способ собирания доказательств» не приносит ничего нового в процессе познания по уголовному делу, искажая объективную истину субъективным отношением к собираемым фактическим данным лица, производящего расследование.

Различная трактовка этики производства допроса приводит к противоречивым взглядам в литературе. Отдельные авторы склонны рассматривать формирование у лица целей, попытка достижения которых поставит его в невыгодное положение, недопустимым с точки зрения этики, поскольку подобное поведение находится на грани провокации (7, с. 102). Подобные взгляды представляются спорными, поскольку данная концепция относит к числу недопустимых рекомендаций те, которые не вызывают сомнений в их допустимости. Так, тактический прием «допущение легенды» предусматривает фиксацию вымышленной, придуманной допрашиваемым версии случившегося, после чего ложь изобличается. Данный метод является действенным средством изобличения лжи, и соответствует требованиям закона и морали, а значит, не может быть исключен из числа криминалистических тактических приемов. Этическая состоятельность данного приема убедительно подчеркнута В.В. Леоненко (15, с. 62-63). Следует, тем не менее, согласиться с тем, что формирование у противодействующего лица целей, попытка достижения которых поставит его в невыгодное положение, не должно быть основано на невежестве, обращении к низменным качествам, и других незаконных методах воздействия, а также не может провоцировать к противоправным действиям, поскольку уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан. Формирование целей на противоправное поведение противоречит самому назначению уголовного судопроизводства и поэтому недопустимо ни с этической точки зрения, ни с точки зрения закона.

В криминалистической науке вызывает возражение с позицией этики использование фактора внезапности. Так, С.Г. Любичев считает, что использование фактора внезапности при производстве допроса приводит к стрессовому состоянию и дезорганизации психических процессов у допрашиваемого, и поэтому является недопустимым (16, с. 14-15). Думается, что фактор внезапности обладает избирательностью, и в этом смысле лицу,

дающему правдивые показания, опасаться нечего. Кроме того, стресс, связанный с дезорганизацией психических процессов, длителен по времени протекания (19, с. 374). Внезапность же носит одномоментный характер и не может вызвать стрессового состояния. Элемент внезапности очень важен в плане предотвращения противодействия расследованию. Так, немедленный допрос свидетеля нередко не дает последнему возможности построить логически непротиворечивую вымышленную легенду.

Думается также, что необходимо отличать использование фактора внезапности от неожиданных действий следователя. Как было отмечено в литературе, внезапность выступает в качестве характеристики действий лиц, организующих ее применение, а неожиданность является следствием внезапных действий (3, с. 17).

Фактор внезапности должен использоваться не для создания стрессовой ситуации, а в целях не дать возможности недобросовестному допрашиваемому подготовить и осуществить меры противодействия расследованию. Учитывая данное обстоятельство, необходимо признать то, что фактор внезапности нередко сводит к минимуму тактический риск и способствует профилактике конфликтных ситуаций. В этой связи представляется абсолютно верным замечание, которое сделал А.Б. Соловьев о том, что при производстве допроса фактор внезапности не позволяет допрашиваемому подготовиться к ложным измышлениям, и создаваемый эмоциональный фон благоприятствует даже правдивых показаний (25, с. 30-31).

Предъявление вещественных доказательств в целях изобличения или актуализации ассоциативных связей и помощи в воспоминании забытого является вполне допустимым тактическим приемом. Использование же дубликата (модели) в тактических целях вызывает споры и неоднозначное понимание в науке. Думается, что использование аналога вещественного доказательства либо иного предмета в целях помощи в припоминании забытого является вполне допустимым, когда допрашиваемый занимает бесконфликтную позицию. Передача предметной аналоговой информации в данном случае

направлено на возбуждение ассоциаций с выясняемыми фактами и не носит характера обмана. Однако здесь необходимо отметить, что подобный прием может продемонстрировать неосведомленность и отсутствие доказательств в условиях латентной (скрытой) конфликтной ситуации. В такой обстановке у следователя складывается ошибочное представление о бесконфликтности, и недобросовестный допрашиваемый может оценить передаваемую аналоговую предметную информацию как знак неосведомленности и отсутствия доказательств у лица, осуществляющего расследование. В целом же ни с этических позиций, ни с точки зрения закона использование аналоговой предметной информации для оказания мнемической помощи допрашиваемому не вызывает возражений. В данном случае и допрашиваемый и следователь знают о том, что в целях наилучшего припоминания используется аналог предмета. Так, В.Ю. Шепитько в числе приемов, направленных на актуализацию забытого, отмечает показ вещественных доказательств, демонстрацию иной материализованной информации, использование изобразительных возможностей допрашиваемого (28, с. 20).

Этические требования, предъявляемые к рекомендациям по ведению допроса находятся в тесной связи с научной обоснованностью последних. Во-первых, следует отметить, что не все рекомендации, разработанные отдельными науками, применимы в криминалистической тактике. Во-вторых, появился целый ряд разработок псевдонаучного характера, внедрение которых в криминалистическую тактику, следственную и судебную практику способно нанести существенный ущерб достижению целей уголовного судопроизводства.

В последнее время в литературе появились взгляды, которые направлены на некоторую механизацию правосудия. В век научно-технической революции отдельные ученые предлагают внедрить в процесс расследования отдельные технические разработки и приборы, способные якобы давать оценку поведению человека. Так, В.Н. Звонков отмечает, что применение аппаратуры, регистрирующей психофизиологические явления, представляет собой

осуществление приемов расследования, которые «должны быть признаны самим законом в прямой позитивной форме» (12, с. 84-85). Думается, что подобные взгляды не отражают основных тенденций развития науки криминалистики и практики следственной и судебной деятельности. Однако, предлагаемая механизация процесса расследования вызывает опасения. Более осторожную позицию занимают В.А. Митричев и Ю.П. Холодный, которые считают, что необходимы серьезные научные исследования в области испытаний на полиграфе (17, с. 180). В психологии уже есть подобные исследования по поводу возможностей полиграфа в разоблачении лжи. По словам известного психолога Ж. Годфруа, даже сторонники применения полиграфа для диагностики лжи отмечают, что данный метод верен лишь на 90%, кроме того, замечено, «что субъект, который находится в состоянии напряжения или просто не знает, что его ждет, может создать впечатление, что он лжет, если будет настороженно реагировать на некоторые вопросы, смысл которых ему совсем непонятен» (6, с. 280-281). Полиграф регистрирует лишь физиологические изменения, отражая ритм сердца, дыхания, артериальное давление и изменения электропроводности кожи, но не ложь как таковую. Эмоциональные переживания и связанные с ними физиологические изменения могут зависеть от ряда причин: усталость, болезненное состояние, повышенный уровень тревожности, неизвестность и опасения по поводу происходящего и пр. Поэтому, если даже признать точность определения ложных высказываний с помощью полиграфа на 90%, нет оснований в каждом конкретном случае полностью доверять результатам такого рода исследований как доказательству. В этой связи В.С. Шадрин отмечал, что «в силу недостаточной надежности данных, полученных при проведении «инструментальной диагностики эмоциональной напряженности» испытуемых лиц, использование их в доказывании по уголовным делам не представляется возможным» (27, с. 26). Полиграф служит цели выявления эмоциональных различий на основе фиксации физиологических изменений, но причины последних остаются за

пределами исследований, на которые способна техника. Поэтому название полиграфа детектором лжи является весьма условным.

Тем не менее, трудно согласиться с А.М. Лариным, который пишет, что «манипуляции с полиграфом умножат следственные и судебные ошибки, усугубят страдания их жертв и прибавят работы судам, прокураторам и следователям, адвокатам по выявлению и исправлению этих ошибок» (14, с.148). Думается, что использование полиграфа как средства собирания доказательственной информации ни в коем случае нельзя признать допустимым, поскольку нет оснований доверять полученным в результате этого своеобразного лабораторного эксперимента сведениям на все сто процентов. Однако применение полиграфа в качестве средства получения ориентирующей информации в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий представляется в ряде случаев весьма целесообразным.

Невозможность использования полиграфа, гипноза, психотропных препаратов при производстве следственных действий в целях получения доказательств обусловлено тем, что такое воздействие не оставляет человеку возможности сознательного выбора позиции и вариантов поведения, превращая его в бесправный объект исследования, а данные, полученные с помощью этих методов нельзя признать достоверными. О превращении допрашиваемого в подопытный объект в результате применения детектора лжи как средства получения доказательств в ходе производства процессуального действия писал Ю.М. Зархин еще в 1974 году (11, с. 84). Криминалистическая наука не только должна отменить лженаучные методы, но и способствовать в борьбе недопустимым применением обоснованных методов других наук, которые не могут безоговорочно использоваться в уголовном процессе. Таким образом, и психологические, и криминалистические исследования данной проблемы приходят к одному и тому же выводу: детектор лжи применим только для получения вероятностной информации, которая, тем не менее, может быть использована для выдвижения и проверки криминалистических версий. Необходимо согласиться с Н.А. Селивановым, который, отмечая возможности

использования полиграфа, пишет: «Сейчас, когда благодаря научно-техническому прогрессу полиграфные устройства значительно усовершенствованы, серийно производятся различные модели компьютерного полиграфа, всякие сомнения относительно научной состоятельности рассматриваемого метода должны отпасть» (2, с.25).

Таким образом, следует признать недопустимым не только применение лженаучных методов в криминалистической тактике, но и использование рекомендаций других наук вне связи с их прямым назначением или вопреки задачам уголовного судопроизводства.

Экспериментальные психологические исследования подтвердили негативное влияние стрессовой ситуации на нормальное функционирование организма. Эксперименты Брейди над животными и исследования стрессовых ситуаций в человеческом обществе Андерсона и Маркса убедительно доказывают, что стресс способен повлечь ряд тяжелых органических заболеваний (4, с. 282-287). В криминалистической и иной литературе встречаются рекомендации по использованию тактического приема создания состояния напряжения, которое, по мнению отдельных авторов, может быть инициировано напоминанием «об отвратительности совершения преступления, разьяснения недостойности поведения на допросе» (10, с. 82-83). Такая рекомендация не только не способствует установлению психологического контакта, но и дает следователю моральное право занять позицию «праведника по отношению к грешнику». С нравственной точки зрения нельзя рассматривать данный прием как средство создания состояния крайней напряженности, представляющей собой стрессовую ситуацию, поскольку в результате такого воздействия возникает угроза здоровью участника следственного действия. Следует также сказать, что создание состояния напряжения способно перерасти в конфликт. Поэтому применение такого тактического приема должно быть поставлено в зависимость от рекомендаций по поддержанию психологического контакта и недопущению конфликтных ситуаций. Необходимо также согласиться с мнением Г.Ф. Горского и Д.П.

Котова, которые считают, что состояние напряжения «должно оставаться в пределах естественности и не переходить грани, на которой стоит психическое насилие (например, непрерывный многочасовой допрос)» (7, с. 108).

С учетом названных ограничений думается, что создание напряжения определяет дополнительные возможности уличающего воздействия. Однако, сам термин «тактический прием создания напряжения» представляется некорректным, поскольку сложно представить действия следователя направленные только на создание напряжения. Такое состояние является необходимым следствием ряда тактических приемов уличающего характера (например, предъявление доказательств, создание представлений об определенной осведомленности лица, производящего расследование и пр.), которые направлены не столько на создание напряжения, сколько на то, чтобы противодействующее лицо убедилось в бессмысленности отпирательства, в безнравственности занимаемой им позиции. Таким образом, целесообразнее называть данный прием «использованием эффекта напряжения».

Рекомендации по использованию при расследовании преступлений околонуточных знаний, механическое перенесение данных других наук в практику борьбы с уголовными правонарушениями, вырывание из контекста психологических и иных исследований отдельных положений и внедрение этих данных в криминалистику, использование в целях разработки и совершенствования тактических приемов гипотез и умозаключений не нашедших еще научного подтверждения – вот далеко не полный перечень тех «подводных камней», с которыми сталкивается любой криминалист в настоящее время.

Термин «нетрадиционные методы расследования» уже сам по себе настораживает. Любая наука имеет определенные законы развития, и новые криминалистические рекомендации по расследованию преступлений, основанные на имеющейся методологии, являются продуктом познания предмета науки. Традиционность, отражая форму общественного сознания, предполагает некоторую стереотипность, косность. Поэтому нетрадиционные

методы расследования как бы противопоставляются прежним якобы костным и неразвивающимся приемам подготовки и проведения следственных и судебных действий.

Тем не менее, здесь возникает проблема не только терминологического уровня. Н. Китаев и А. Тельцов в качестве нетрадиционных приемов допроса предложили использовать музыку, парфюмерные запахи и возможности биоритмологии (13, с. 287-288). При этом, по их мнению, эффективность применения на допросе музыки значительно повышается в отношении лиц, заключенных под стражу, поскольку последние испытывают сенсорный голод и поэтому повышено чувствительны (13, с. 289). Данная рекомендация не выдерживает критики с этических позиций. Использование сенсорной изоляции в тактических целях невозможно признать соответствующим требованиям нравственности, поскольку здесь страдания, претерпеваемые заключенным под стражу, выступают как факторы, способствующие изобличению. Сенсорная изоляция не может выступать как некая тактическая цель, так как основания для избрания какой-либо меры пресечения (в том числе и заключения под стражу) имеют иную природу. Кроме того, использование парфюмерных запахов и музыки может выглядеть как заискивание следователя перед допрашиваемым. Такое поведение может привести к потере уважения к следователю, поскольку парфюмерные и музыкальные пристрастия участников допроса могут и не совпадать, а применение данных рекомендаций способно привести в данной ситуации лишь к бесплодному заискиванию, наносящему вред авторитету лица, производящего расследование. Отсутствие широкой эмпирической и психологической базы в отношении обоснования подобных рекомендаций по использованию биоритмологии, парфюмерных запахов и музыки делает их еще более сомнительными.

Этические и психологические основы производства допроса должны быть направлены не только на познание объективных закономерностей в аспекте нравственных и научных проблем криминалистической тактики, но и обязаны способствовать применению только состоятельных методов исследования.

Представляется, что гипотетические и вероятностно-субъективные подходы в определении направлений развития криминалистической тактики допроса совершенно недопустимы.

Библиография

1. Ароцкер Л.Е. О соотношении процессуальных, тактических и этических начал в следственных действиях // 50 лет советской прокуратуре и проблемы совершенствовании предварительного следствия. Под ред. В.С. Афанасьева, Л.А. Андреевой и др. Ленинград. 1972, с. 52-59.
2. Бабаева Э.У., Гайдук А.П., Дворкин А.И., Селиванов Н.А. и др. Пособие для следователей. Расследование преступлений повышенной общественной опасности. / Под ред. Н.А. Селиванова, А.И. Дворкина. М.: Изд-во: ООО ИПК «ЛИГА РАЗУМ», 1998.
3. Бахин В.П., Кузьмичев В.С., Лукьянчиков Е.Д. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел. Учебное пособие. Киев: Изд-во НИ и РИО КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Держинского, 1990.
4. Баянов А.И. Тактические особенности формулирования и постановки вопросов допрашиваемому // Совершенствование расследования преступлений. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980, с. 72-78.
5. Гаврилова Н.И. Влияние внушения на формирование свидетельских показаний. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1975.
6. Годфруа Ж. Что такое психология? / Соч. В 2-х т., пер. с франц. Н.Н. Алинова, А.В. Перелау и Т.Я. Эстриной. М.: Изд-во: «Мир», 1992, т.1.
7. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Судебная этика. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973.
8. Гранат Н.Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии. Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М.:1992.

9. Громов В.Л. Дознание и предварительное следствие. М.: Изд-во: «Мосполиграф», 1925.
10. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: 1969.
11. Зархин Ю.М. Нравственные основы предварительного следствия в советском уголовном процессе. Дис. ...канд. юрид. наук. М.: 1974.
12. Звонков В.Н. Проблемы психологии и этики допроса // Вопросы судебной психологии. / Под ред. А.Р. Ратинова и др. М.: Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности 1971, с. 81-89.
13. Китаев Н., Тельцов А. Нетрадиционные приемы допроса обвиняемого // Записки криминалистов. Выпуск 3 / Под ред. В.А. Образцова. М.: Изд-во: «Юрикон», 1994.
14. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: 1996.
15. Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства Киев, Наукова думка, 1981.
16. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики, Ростов, 1992.
17. Митричев В., Холодный Ю. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. Выпуск 1. М.: Изд-во: «Юрикон», 1993, с. 178-185.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
19. Петровский А.В., Брушлинский А.В., Зинченко В.П. и др. Общая психология. Учебник. / Под ред. А.В. Петровского 3-е издание, переработанное и дополненное, М., 1995.
20. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск: Вышэйшая школа, 1978.
21. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. Для служебного пользования. М.: Изд-во ВНИИ Проблем укрепления законности и правопорядка, 1988.

22. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001.
23. Селиванов Н.А. Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании. // Законность, 1994, № 4, с. 22-26.
24. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Изд-во: «Юридическая литература», 1982.
25. Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии. Методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2001.
26. Шавер Б.М., Винберг А.Н. Криминалистика. / Учебник для юридических школ. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1945.
27. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: М.: Юрлитинформ, 2000.
28. Шепитько В.Ю. Допрос несовершеннолетних: психология и тактика. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков: Харьковский юридический институт, 1991.